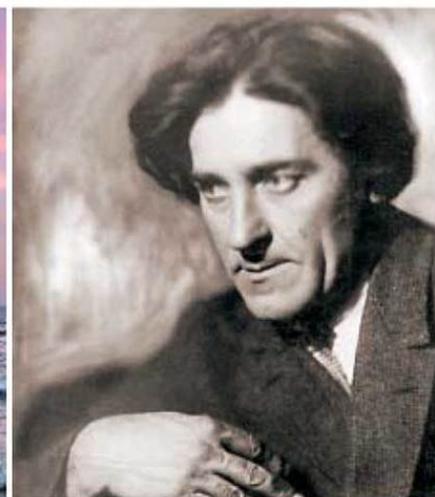
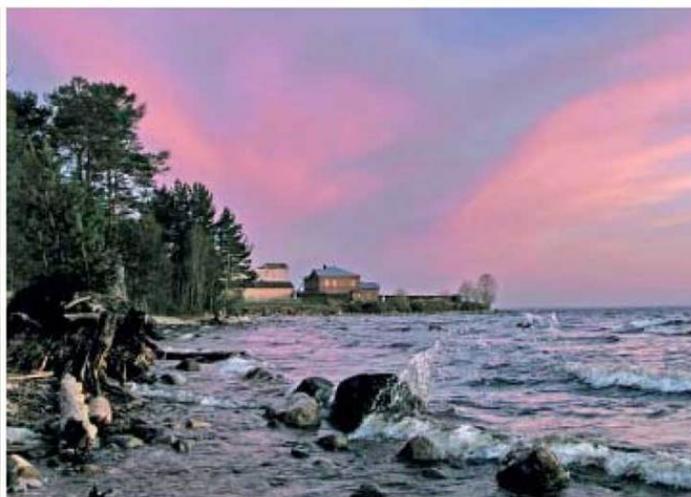

Московский педагогический
государственный университет

Т. А. Пономарева

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МИР НОВОКРЕСТЬЯНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва
2017

Татьяна Пономарева

**Художественный мир
новокрестьянской литературы**

«МПГУ»

2017

УДК 82-1/9
ББК 83.3(2)

Пономарева Т. А.

Художественный мир новокрестьянской литературы /
Т. А. Пономарева — «МПГУ», 2017

ISBN 978-5-4263-0504-5

В монографии рассматривается творчество писателей-новокрестьян – Н. А. Клюева и С. А. Клычкова. Основой их художественной картины мира является концепция «избяного космоса». Она находит свое отражение в тенденции к циклизации: стихотворные циклы Н. Клюева, «красный» цикл публицистических статей 1919 года, романная трилогия С. Клычкова. Цикл «Избяные песни» Н. Клюева (1914–1917) анализируется с опорой на творческую историю, в которой отражается процесс формирования художественной целостности текста и мотивной структуры произведения. Большое внимание уделено концептосфере Н. Клюева, библейским мотивам и иконографии в творчестве новокрестьян.

УДК 82-1/9

ББК 83.3(2)

ISBN 978-5-4263-0504-5

© Пономарева Т. А., 2017

© МПГУ, 2017

Содержание

Глава первая	7
Глава вторая	17
2.1. Концепции бытия в публицистическом цикле Н. Клюева и романной трилогии С. Клычкова	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Татьяна Пономарева

Художественный мир новокрестьянской литературы: Монография

Министерство образования и науки Российской Федерации Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Московский педагогический государственный университет»

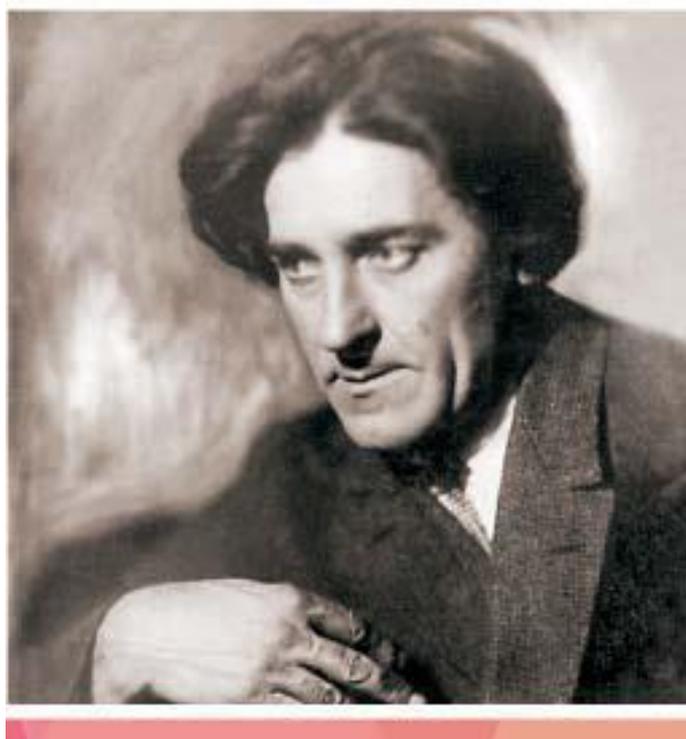

Рецензенты:

Т. К. Савченко, доктор филологических наук, профессор кафедры мировой литературы Института русского языка им. А. С. Пушкина

Н. М. Малыгина, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы МГПУ

Глава первая

Феномен новокрестьянской литературы.

Итоги и перспективы исследований

Творчество новокрестьянских писателей – это уникальное художественное явление XX столетия. Его значение выходит за рамки литературы, и сегодня, на переломе тысячелетий, осмысливается в контексте смены типа культур, исчезновения крестьянской цивилизации, радикальных изменений национального образа жизни, русской ментальности. Самые яркие представители новокрестьян – Сергей Есенин, Николай Клюев и Сергей Клычков – это крупнейшие поэты национального масштаба, воплотившие мир народного бытия в его духовной ипостаси и сокровенность русской души.

Духовно-философские и художественные искания конца XIX – начала XX веков в русской литературе и во всей русской культуре были неразрывно связаны с «русской идеей». Это понятие сформулировал В. Соловьевым в названии его книги («L'Idée russe»), которая вначале была опубликована на французском языке в 1888 году, а в России появилась только в 1911 году в переводе Г. А. Рачинского. Но проблемы самобытности российской цивилизации, исторической и мистической судьбы России, народного характера были поставлены задолго до В. Соловьева, и до сегодняшнего дня они служат ключом к осмыслению национальной картины мира, отраженной в литературе и искусстве.

В первую очередь константы русской культуры определяют творческий путь С. А. Есенина и его собратьев, которых «рязанский Лель» назвал «крестьянской купницей». Все они были сынами «избяной Руси». Николай Алексеевич Клюев (1884–1937) родом из Олонецкой губернии, Сергей Антонович Клычков (1889–1937) родился «на тверской скудной земле» в д. Дубровка Талдомского уезда, ныне Московской области. Алексей Алексеевич Ганин (1893–1925) – вологодский, Александр Васильевич Ширяевец (Абрамов) (1887–1924) – из поволжской деревни Ширяево, Петр Васильевич Орешин (1887–1938) также с Поволжья. Пимен Иванович Карпов (1886–1963) из Курска, Василий Федорович Наседкин (1895–1938) – из Уфимской губернии.

Литературное направление, представленное творчеством этих художников, сложилось в середине 1910-х годов и просуществовало до конца 1920-х. От объединений Серебряного века и группировок 1920-х годов «купница» отличалась отсутствием общей теоретической платформы, программных документов. Новокрестьяне не выступали с общими декларациями, не публиковали манифестов, хотя попытки к объединению были и до революции 1917 года (группа «Краса», литературно-художественное общество «Страда») и после (попытки создать самостоятельную секцию крестьянских поэтов в Пролеткульте). Но «Краса» и «Страда» просуществовали очень короткое время, а связи поэтов носили, прежде всего, духовный, а не «организационный» характер. Новокрестьяне находили единомышленников по публикациям стихов в журналах, вступали в переписку, которая, прежде всего, носила творческий, а не бытовой характер, в ней раскрывались их мировоззренческие и художественные установки.

С. Есенин в 1918 году пишет трактат «Ключи Марии», посвященный словесному искусству, в котором он исследует природу художественного образа и формулирует основополагающие черты своего поэтического мира и своих собратьев по «купнице», выступая от лица «мы». Революционная «программа» Николая Клюева, мифопоэтическая концепция революции как Преображения России раскрывается в его статьях, которые печатались в 1919 году в газете родного городка поэта «Звезда Вытегры». Все остальное, как сказал другой поэт, «отстоялось словом» в стихах и прозе.

В 1919 году известный критик В. Л. Львов-Рогачевский ввел в оборот понятие «новокрестьянские поэты», тем самым подчеркнув их отличие от традиционной крестьянской линии в русской поэзии, идущей от А. Кольцова и И. Сурикова.

Эти писатели не были талантливыми самоучками, они были мастерами слова, полномочными представителями Серебряного века и высокой крестьянской культуры, хотя никто из них и не имел законченного высшего образования. Так, С. Есенин около двух лет был слушателем Народного университета им. А. Л. Шанявского, единственного учебного заведения в России, где не требовали ни гимназического аттестата, ни свидетельства о благонадежности. Там же слушали курсы университетских профессоров и Сергей Клычков, ушедший из Московского университета из-за отсутствия средств, Петр Орешин, Василий Наседкин. Художественные поиски новокрестьян находились в русле исканий Серебряного века, чему способствовало их творческое и личное общение с В. Брюсовым, А. Блоком, А. Белым и другими поэтами той эпохи.

В начале XX века русская интеллигенция была увлечена неонародническими идеями, что обусловлено, с одной стороны, чувством катастрофизма современной жизни, ожиданием «неслыханных мятежей и невиданных перемен» (А. Блок), связанных с несправедливостью социального миропорядка, а с другой «сознанием исчерпанности западных эстетических веяний», всей «книжной» культуры. Но «курс нового народничества в силу этого решительно меняется: в народ идут уже не с целью просветить темного и забитого мужика, а, наоборот – приобщиться к его гармоническому, как казалось, мирозерцанию» [1, 667].

Уже первые сборники этих поэтов были отмечены критиками разных направлений и эстетических пристрастий, в них увидели высокую поэзию, которая имела общезначимое значение. Стихи Сергея Есенина А. Блок охарактеризовал как «свежие, чистые, голосистые». Первая книга Есенина «Радуница» (весна 1916, на обложке 1915) получила единодушное одобрение своей «юной непосредственностью» и «грустным лиризмом», а сборник «Голубень» (1918) стал подтверждением, что на поэтическом Олимпе явился новый талант, «народный златоцвет» (Павел Сакулин).

Предисловие к первому сборнику Клюева «Сосен перезвон» написал В. Брюсов. А. Блок, который переписывался с Клюевым в течение восьми лет, записал в дневнике 17 октября 1911 года: «Клюев – большое событие в моей осенней жизни» [2, 130]. В творчестве Клюева и в самой личности «олонецкого ведуна» (В. Деметьев) Блок увидел возможность преодоления той трагической разобщенности «двух станов» – народа и интеллигенции, которую он остро ощущал начиная с 1905 года, и единение двух ликов России – бунтарской и мистической, о которой он писал в стихотворении «Русь»: «Ты и во сне необычайна. / Твоей одежды не коснусь. / Дремлю – и за дремотой тайна, / И в тайне – ты почишь, Русь».

В середине десятых Клюев становится для других поэтов «купницы» своеобразным «идеологом», духовным наставником. С ним переписываются Есенин и Ширяевец. «Апостол нежный Клюев/ Нас на руках носил», – напишет позже Есенин, в лирике которого в десятые годы встречается немало переключек с поэзией старшего собрата. Со временем обнаруживается и несходство эстетических устремлений и социально-политических предпочтений, а дружба временами дает трещину. И все же за два дня до гибели С. Есенин скажет В. Эрлиху: «... Ссоримся мы с Клюевым при встречах кажинный раз. Люди мы разные. А не видеть его я не могу. Как он был моим учителем, так и останется. Люблю я его» [3, 96].

Русская идея, ориентация на крестьянскую культуру и фольклор, мифологический тип мышления и мифопоэтика, восприятие революции с «крестьянским уклоном» и разочарование в «не том», «определенном и нарочитом» социализме (С. Есенин) предопределили общность творчества «крестьянской купницы».

Новокрестьян объединяла верность природному бытию в противовес «железной» цивилизации, «Америке», которая надвигается «на сизоперую зарю, на часовню в бору, на зайца у

стога, на избу-сказку...» (из письма Н. Клюева А. Ширяевцу от 15.11.1914 г.) [4, 224], любовь к «деревянной Руси», ее исконным ценностям, христианской вере, русской истории, воспринимаемой мистически и лично, через семейную память. И корни своей поэтической родословной новокрестьяне связывали с архетипическим образом женщины – матери, «мудрой старухи».

Клюев неоднократно вспоминал и писал о матери Прасковье Дмитриевне, «песеннице» и «былиннице», памяти которой он посвятил цикл «Избяные песни». С. Клычков указывал в автобиографии, что «языком обязан лесной бабке Авдотье, речистой матке Фекле Алексеевне...» [5, 17]. С. Есенин вспоминал о бабке, которая водила его «по монастырям».

Родство с крестьянским миром обнаруживается и в акцентированной гордости новокрестьян своим социальным происхождением: «У меня отец крестьянин, / Ну, а я – крестьянский сын» (С. Есенин), снисходительном отношении к «столичной» публике и «городским» интеллигентам, и во внешнем облике: верность крестьянскому костюму у Н. Клюева (косоворотка, старообрядческий крест поверх нее, гетры, похожие на валенки у Есенина, маскарадная одежда на поэтических вечерах Есенина и Клюева в 1915 году в Петербурге.

В. Г. Базанов считал, что таким образом они «разыгрывали социальный водевиль с переодеванием», «превратили и свой образ жизни, и свою внешность в наглядное средство агитации», цель которой – утверждение самоценности крестьянского мира. [6, 106]. Базанов подчеркивает осознанность, демонстративность этого «водевиля». Но он не был самоцелью. В таком поведении новокрестьянских поэтов проявлялась «определенная литературная позиция» [6, 109]. Кроме того, «маскарадность, стилизованность, ряженность» являются приметой культуры начала XX века (символисты, футуристы, затем имажинисты и обэриуты).

Оппозиция «деревенских» и «городских» поэтов декларируется Клюевым даже в переписке с Блоком, который для олонечского поэта был несомненным литературным авторитетом, «нечаянной радостью», как он обозначил его в инскрипте книги «Сосен перезвон», и вместе с тем Блок воспринимался им как городской интеллигент, которого он призывал к опрощению, уходу в народ.

При всей ориентации не только на народную словесность, но и на опыт литературы Серебряного века, при творческих переключках с художниками той эпохи, новокрестьяне четко представляли и декларировали свою инакость. В 1915 году Н. Клюев пишет С. Есенину: «Ведь ты знаешь, что мы с тобой козлы в литературном огороде и только по милости нас терпят в нем и что в этом огороде есть немало ядовитых и колючих кактусов... <...> Быть в траве зеленым, а на камне серым – вот наша с тобой программа, чтобы не погибнуть. <...> Я холодею от воспоминания о тех унижениях и покровительственных ласках, которые я вынес от собачьей публики. <...> Я помню, что жена Городецкого в одном собрании, где на все лады хвалили меня, выждав затишье в разговоре, закатила глаза и потом изрекла: “Да, хорошо быть крестьянином”... Видите ли – неважен дух твой, бессмертное в тебе, а интересно лишь то, что ты холуй и хам-смердяков, заговорил членораздельно...» [4, 236–237].

Те же мысли встречаем и у Есенина в письме к Ширяевцу: «Бог с ними, этими питерскими литераторами... Мы ведь скифы, приявшие глазами Андрея Рублева Византию и писания Козьмы Индикоплова¹ повернем наших бабок, что земля на трех китах стоит, а они все романцы, брат, все западники, им нужна Америка, а нам в Жигулях песня да костер Стеньки Разина» [7, 94].

Конфликт народа и интеллигенции раскрывается уже в первом сборнике Клюева «Сосен перезвон», о чем свидетельствуют стихотворения «Голос из народа», «Вы обещали нам сады» (с посвящением К. Бальмонту) и др. Оппозиция народ/интеллигенция переходит в сквозной конфликт традиционной культуры и современной урбанистической цивилизации. У

¹ Косма Индикоплов – византийский купец VI века, автор богословского трактата «Христианская топография».

Есенина в ранних стихах вообще не было образа города, его мир – это крестьянско-христианская Русь.

В новокрестьянской литературе отразился утопизм народного сознания, вера в осуществимость абсолютного идеала, убежденность в существовании «праведной земли», «иног царства», которое отличается от сегодняшнего несовершенного мира гармонией между человеком и природой, идиллическими социальными отношениями.

Влияние утопических идей и эсхатологических представлений усиливается в переломные исторические эпохи, в период социальных кризисов, что приводит к обострению протестных настроений и массовых народных выступлений. Сопричастность бунтарской России проявляется в новокрестьянской литературе в мотивах социального протеста. Жалобы на свою долю, горемычную судьбу, характерные для народнической поэзии, сменяются «новыми песнями»:

Но не стоном отцов
Моя песнь прозвучит,
А раскатом громов
Над землей пролетит, —

писал Н. Клюев в стихотворении «Безответным рабом...» (1905) [8, 79].

Бунтарские настроения в той или иной мере проявляются у всех новокрестьян, но тема социального протеста не является главной в их творчестве. У раннего Есенина доминирует идея приятия крестьянско-христианского мира («все приемлю»). Мотив Преображения в его поэзии появится непосредственно перед революцией под влиянием Клюева и идей христианского социализма Р. Иванова-Разумника, но в первую очередь в его поэзии 1917–1918 годов речь идет о духовном преображении родины и народа.

А. Ширяевца еще в 1905 г. уволили с работы за участие в революционном движении, и ему пришлось уехать к дальним родственникам в Туркестан. Но в его стихах социальные ноты почти неощутимы. В поэзии С. Клычкова социальная тема вообще отсутствует, хотя он строил в 1905 году на Пресне баррикады вместе с С. Коненковым и был членом революционной дружины. Социальная направленность в большей мере характерна для «песен» и прозы П. Орешина, который менее других был склонен к идеализации деревни.

Наиболее революционно был настроен Н. Клюев. В 1905–1906 годах он состоял в Бюро содействия Крестьянскому Союзу и распространял революционные прокламации, за что был арестован и шесть месяцев просидел в тюрьме.

Понимание крестьянской общины как соборного (коллективного) единства, сближение новокрестьян с «левыми эсерами», сочувствие идеям христианского социализма обусловили приятие всеми писателями есенинского круга не только Февральской, но на первых порах и Октябрьской революции, в которой они увидели шествие «за Землю, за Волю, за Хлеб трудовой».

В художественном сознании писателей есенинского круга утопические идеи «новой земли» сопрягаются с христианским учением, революцию они соотносят с евангельскими пророчествами о Втором Пришествии и Преображении. Все новокрестьяне были верующими людьми, большей частью из старообрядческих семей. Веру они сохранили и в годы неистового богоборчества. Их творчество пронизано религиозными чувствами.

В первые пореволюционные годы новокрестьянам была свойственна мифологизация истории, современность проецируется ими на Евангелие, ветхозаветные предания и пророчества. Будущее идеальное мироустройство, «новый Назарет», в их поэтическом мышлении удивительным образом совпадало с преображенной крестьянской Русью, с идеалом «праведной»

земли. Ортодоксально-православные мотивы и образы сопрягаются со старообрядческими, сектантскими, прежде всего хлыстовскими представлениями.

С. Есенин пишет 11 «маленьких поэм», 11 глав на тему революционной мистерии, которые О. Воронова называет «русским Евангелием» [9, 11].

Для Клюева 1917 год означал конец кровопролития в мировой войне и начало Воскресения Руси, осуществление мечты «народа-Святогора» о «вольной земле». Он воспевает «праздник великой Коммуны»: «Революцию и Матерь света в песнях возвеличим» («Товарищ»); «мы – кормчие мира, мы – боги и дети, в пурпурный Октябрь повернули рули» («Солнце осьмнадцатого года»); «за Землю, за Волю, за Хлеб трудовой идем мы на битву с врагами» («Красная песня»).

В 1918–1923 годах поэт живет в Вытегре. Он вступает в партию большевиков, печатается в газете «Звезда Вытегры». В статьях «Красный конь», «Красный набат», «Огненная грамота», «Огненное восхищение» и др. раскрывается концепция революции – Преображения, идея «сораспятия Христу». Революционные деяния «рати солнценосцев» осмысливаются как веление Бога: «Им Бог – восприемник, Россия же – мать» («Песнь Солнценосца»). Клюев использует евангельские мотивы, образы, стилистику библейских текстов и апокрифов, сектантских песен. Мифологемы Голгофы, креста, крови, Воскресения, Преображения, красно-золотая, солнечная цветопись определяют движение авторской мысли. Тема «красной» революции как «мировой мистерии» – ключевая в его сборнике «Медный кит» (1919).

Идеал «праведной земли» в поэзии новокрестьян включает крестьянский труд и народный быт. «Сготовить деду круп, помочь развесить сети, /лучину засветить и, слушая пургу, / как в сказке задремать на тридевять столетий, / в Садко оборотясь иль в вещего Вольту», – писал Клюев, подчеркивая единство созидания материальных и духовных ценностей. В стихотворении «Рождество избы» строительство избы изображается как сотворение мира:

Крепкогруд строитель-тайновидец,
Перед ним щепка, как письмена,
Запоет резная пава с крылец,
Брызнет ярь с наличника окна [8, 251].

Еще один важный мотив новокрестьянской поэзии – единство мировой жизни и культуры, характерное, прежде всего, для поэзии Н. Клюева первых лет революции: «над избыю взрастут баобабы»; «улыбнутся вигваму чумы»; «покумится Каргополь с Бомбеем»; «и моя сермяжная песня зазвенит чеченской зурной». Такая космическая образность поэта лишь внешне похожа на космизм Пролеткульта, но «интернационализм» Клюева отличается от богорочества и беспочвенности пролет-культовцев и возникает на основе «всемирной отзывчивости» русской культуры и христианских пасхальных идей: «От Нила до кандального Байкала / Воскреснут все, кто погибли».

Торжествует «брак племен и пир коммун»: «багряный Адам» испечет «пирог новоселый», «многоплеменный каравай поделят с братом брат». Преобладают восточные топонимы. Восток в русской поэзии понимается не как географическое, а как социально-философское понятие, противоположное буржуазному Западу. П. Карпов в стихотворении «Полуденный путь» (1921) рисует прародину славянства:

Опрокинулись горы Кавказа,
Гималаи, как карточный дом,
И в тайник золотого оаза
Мы за солнцем свирепым идем...
Перед нами встают из пустыни

Реки праотцев, Тит и Ефрат,
Да индийские знойные сини,
Да сиянье лазоревых врат [10, 236].

У А. Ширияевца есть лирические миниатюры, стилизованные под древневосточную поэзию. Азия – «голубая страна, окрашенная солью, песком и известкой» – изображена Есениным в поэме «Пугачев» как прекрасная и недоступная земля. В «Москве кабацкой» «золотая дремотная Азия опочила на куполах» как знак присутствия Востока в русской столице. В «Персидских мотивах» «голубая да веселая страна» является символом гармонии и напоминанием об исчезнувшей «голубой Руси».

«Дом-изба», «белая светелка» Клюева становится олицетворением крестьянской Руси и символом Белой Индии, идеальной страны духовной культуры: «И страна моя, Белая Индия, преисполнена тайн и чудес» [8, 298]. Ее образ навеян фольклорными сказаниями об «Индийском царстве» и «Хожением за три моря» А. Никитина. Сакральность Руси-Индии воссоздается с помощью святых слов поэта: «Оселяет словесное дерево избяную дремучую Русь!» («Оттого в глазах моих просинь») [8, 297].

Революционная эйфория новокрестьян вскоре сменилась тяжелым разочарованием в самих возможностях переустройства страны на крестьянский лад. Социальные перемены в деревне и политика «раскрестьянивания» не внушали оптимизма. Индустриализацию они воспринимают как наступление «железа»: «Горыныч с Запада ползет по берегам железных вод», идея покорения природы была для них знаком гибели «старой» общинной Руси и обновленной, революционной России.

Разрушение национальных основ русской жизни и неистовое богоборчество стали причиной расхождения новокрестьян с революцией, которая, как горько сетует Клюев, «не открыла Врат» и «сломав деревню, пожрала мой избяной рай» [11, 274]. «Золотая русская боль», плач об «отлетающей Руси», победа «железа», торжество сатанинского начала в крестьянском мире стали главными мотивами трагического эпоса И. Клюева и С. Клычкова второй половины двадцатых – начала тридцатых годов (поэмы Клюева «Деревня», «Погорельщина», «Песнь о Великой матери», цикл «Разруха», романы С. Клычкова «Сахарный немец», «Чертухинский балакирь» и «Князь мира»).

Ориентация на крестьянские социально-философские и нравственно-эстетические идеалы, которая при вхождении в литературу привлекла к новокрестьянским писателям внимание А. Блока, В. Брюсова, Н. Гумилева, после революции станет камнем преткновения для критики. Литературоведческий подход сменяется политической оценкой. Если в первые годы Октября в «мужиковствующих» видели, пусть и ненадежных, но «попутчиков» революции, то во второй половине двадцатых они уже воспринимаются как «кулацкие» поэты. В травле «реакционного пейзажизма» приняли активное участие Н. Бухарин со своими «Злыми заметками» (1927), направленными против С. Есенина, такие писатели и критики, как В. Князев, А. Безыменский, О. Бескин, А. Селивановский. Новокрестьянская литература характеризуется как «кулацкая, необуржуазная».

1930-е годы – период творческого молчания и замалчивания новокрестьянских писателей: они пишут «в стол», занимаются переводами (например, С. Клычков). Последовавшие в 1937 году репрессии надолго вычеркнули имена Николая Клюева, Сергея Клычкова, Петра Орешина и др. из литературы. На их долю выпадут аресты, ссылки, лагеря, мученическая смерть. Избегут этой участи лишь А. Ширияевец, которому «посчастливилось» преждевременно умереть в 1924 году, да П. Карпов, доживший до 1963 года, но замолчавший как писатель.

«Крестьянская купница, сами имена новокрестьян забылись почти на столетие, многие документы, личные архивы были уничтожены. Но, как известно, «рукописи не горят», и

вслед за возвращением в пятидесятые годы в научную литературу С. А. Есенина, осознанием его как поэта-классика, после гражданской реабилитации С. Клычкова (1956) и Н. Клюева (1957), наступила очередь и этих поэтов, а позже А. А. Ганина и других певцов русского крестьянства. Первыми ласточками стали воспоминания П. И. Карпова «Из глубины» (1956), статья Н. Хомчука, посвященная взаимоотношениям Есенина и Клюева (1958), затем появились маленькие заметки В. Рунова и А. Грунтова о биографии олонецкого поэта [12; 13; 14; 15].

В русском зарубежье в пятидесятые годы также обозначился интерес к новокрестьянам. Выходят написанные еще в войну мемуары Р. Иванова-Разумника (1951), на страницах которых шла речь о Н. Клюеве и А. Ганине, книга М. Степаненко и воспоминания Г. Забежинского о С. Клычкове (1952), полное собрание сочинений Н. Клюева в Нью-Йорке (1954), подготовленное Б. Филипповым и переизданное совместно с Н. Струве в Мюнхене в 1969 году [16; 17; 18; 19; 20]. В восьмидесятые годы под редакцией М. Нике в Париже выйдут романы С. Клычкова «Сахарный немец», «Князь мира» и его «Стихотворения» [21; 22; 23].

В 1970-1980-е годы сборники стихов и прозы новокрестьян начинают появляться и в отечественной печати [24; 25; 26; 27; 28; 29; 30; 31]. Первая книга Н. Клюева «Стихотворения и поэмы» была напечатана в престижном научном издании «Библиотека поэта» [24]. С 1980-х годов начинается публикация неизданных произведений новокрестьян, в том числе считавшихся утраченными текстов Клюева – поэмы Н. Клюева «Погорельщина» и «Песнь о Великой матери», «Кремль», отрывки из поэмы «Каин», публицистика [32; 33; 34; 35], репринты его прижизненных книг «Сосен перезвон», «Медный кит», «Изба и поле», сборники стихов [36; 37; 38; 39; 40; 41; 42; 43]; печатаются произведения С. Клычкова, А. Ганина, П. Карпова [44; 45; 10], биографические материалы [46; 47], воспоминания, письма Н. Клюева [48; 49; 50; 51; 52; 53; 54] и С. Клычкова [55], открываются архивы, [56], на основе которых была написана книга С. Ю. и С. С. Куняевых «Растрезанные тени. Избранные страницы из «дел» 20-30-х годов ВЧК – ОГПУ – НКВД, заведенных на друзей, родных, литературных соратников, а также литературных и политических врагов Сергея Есенина» [57].

К сегодняшнему дню опубликованы наиболее полный свод стихотворений и поэм Н. Клюева с текстологическими примечаниями и научными комментариями «Сердце Единорога» (СПб., 1999) [8], прозаические произведения Клюева 1907 – 1937 гг. «Словесное древо» (СПб., 2003) – статьи, рецензии, письма, записи снов, официальные бумаги [4], а также первое собрание сочинений С. Клычкова (2000) [59]. В ИМ ЛИ издано первое академическое собрание сочинений С. Есенина в 7 томах и 9 книгах (1995–2001).

Завершается издание пятитомной «Летописи жизни и творчества С. А. Есенина». В Вологде вышла «книга о судьбе и творческом наследии Алексея Ганина» «К тебе пришел я, край родимый» [59]. В 2011 году в журнале «Русский Север» мною был опубликован рассказ А. Ганина «Иван и корова», напечатанный в 1923 году в журнале «Кооперация Севера» и не переиздававшийся с тех пор [60]. В Тольятти и в Куйбышеве были изданы «песни волжского соловья» А. Ширяевца [61; 62].

Что касается мемуарно-биографической и документальной литературы, то, помимо многочисленных воспоминаний о С. А. Есенине, необходимо отметить такие издания, как «Смерть Сергея Есенина. Документы. Факты. Версии», «Русское зарубежье о Сергее Есенине», «Сергей Есенин глазами современников», «Сергей Есенин и Галина Бениславская» Н. И. Шубниковой-Гусевой [63; 64; 65], а также выход двух сборников воспоминаний [67; 68]. и биографических книг, К. М. Азадовского, С. И. Субботина, С. С. Куняева о Николае Клюеве [69; 70; 71]. В серии «Литературное наследство» опубликована переписка Клюева и Блока [72]. Огромный материал для исследователей представлен в книге «Наследие комет. Неизвестное о Николае Клюеве и Анатолии Яре» из архивов семьи Кравченко [73]. Напечатанная в этом издании поэма Клюева «Кремль» стала темой научно-практической конференции в Петрозаводске [74].

Из большого количества работ последних десятилетий, посвященных Есенину, можно выделить, во-первых, появление периодического подписного журнала «Современное есениноведение», монографии О. Е. Вороновой «Сергей Есенин и русская духовная культура» [75] и Н. И. Шубниковой-Гусевой «Поэмы Есенина: От “Пророка” до “Черного человека”» [76].

В 2000-е годы творчество не только рязанского поэта, но и Н. Клюева, С. Клычкова становится предметом анализа в академических и учебных изданиях [77; 78; 79; 80; 81; 82; 83; 84].

Творчество и личность новокрестьянского «идеолога» Н. А. Клюева в последние десятилетия являются объектом постоянного внимания отечественных ученых – монографии К. М. Азадовского, В. Г. Базанова, А. И. Михайлова, а также Е. И. Марковой, Т. А. Пономаревой, Н. М. Солнцевой, написанные на основе докторских диссертаций [85; 86; 87; 88; 89; 90; 91; 92; 93], значительное количество кандидатских диссертаций [94; 95; 96; 97; 98; 99; 100; 101], среди которых необходимо отметить работу С. И. Субботина, публикатора клюевских и есенинских документов, одного из редакторов есенинского академического Полного собрания сочинений и «Летописи жизни творчества С. А. Есенина» [102].

В родном городе поэта Вытегре с 1984 года ежегодно проходят Клюевские чтения. Клюевские дни отмечаются в Томске, Петрозаводске, Санкт-Петербурге. Их материалы отражены в нескольких выпусках сборников «Николай Клюев. Образ мира и судьба» (Томск), «XXI век на пути к Клюеву» (Петрозаводск). Следует отметить ученых Вологодского педуниверситета, издавших «Поэтический словарь Николая Клюева» и несколько книг, посвященных поэтике олонечского художника [103; 104; 105].

Поэзию Н. Клюева изучают не только в России, но на Украине, в Латвии (Э. Б. Мекш), Польше (Яжи Шокальский), Франции (М. Нике), Америке (Майкл Мейкин). Перу М. Мейкина принадлежит книга о Клюеве [106], М. Никё – о русских литературных утопиях. [107].

Литература о С. А. Клычкове также довольно обширна, хотя и не все воспоминания о нем опубликованы, в частности ждет своей очереди машинопись воспоминаний родного брата А. Сечинского, остаются малоизвестными дневники и воспоминания друга юности П. Журова. Мемуарные свидетельства о нем содержится в воспоминаниях С. Коненкова, Н. Любимова, Н. Мандельштам, Э. Герштейн.

Первые масштабные научные труды, посвященные С. А. Клычкову, принадлежат Н. М. Солнцевой, автору диссертации о «магической» прозе этого художника, нескольких монографий и многочисленных статей [93; 109; 110]. Проза Клычкова является объектом исследования докторской диссертации и монографии Т. А. Пономаревой [112], монографии Н. В. Кудрявкиной [113].

Большим событием стала Международная конференция, посвященная 120-летию со дня рождения С. Клычкова, прошедшая в Литературном институте. Ее итогом стал выпуск сборника «Сергей Антонович Клычков. Исследования и материалы» [114]. Лирике С. Клычкова посвящены диссертации З. Я. Селицкой, Ю. А. Изумрудова, Е. А. Де-миденко [115; 116; 117]. Проза С. Клычкова анализируется в диссертационных работах Е. В. Лыковой «Неомифологические аспекты поэтики и гоголевская традиция в творчестве С. А. Клычкова (на материале романа “Чертухинский балакирь”», К. Н. Кислицына «Проза С. А. Клычкова: поэтика магического реализма», Н. В. Кудрявкиной «Человек и мир в романах С. Клычкова и традиции русской литературы XIX века» [118; 119; 120; 121].

К неомифу И. И. Карпова обращается Е. В. Ланге в диссертации «Творчество И. И. Карпова в контексте литературно-эстетических и религиозно-философских исканий XX века» [122].

В результате совместных научных усилий новокрестьянские поэты предстают сегодня как «общенациональные классические величины» среди звезд отечественной поэзии [123, 40]. Главный смысл их творчества заключается в познании «крестьянского рода = русского народа» через мифопоэтический подход к изображению действительности [124, 3–4].

Между тем многие аспекты новокрестьянской литературы еще ждут своего исследователя. Это касается в первую очередь их творческих взаимодействий. Так, взаимоотношениям Есенина и Клюева посвящено немало работ, начиная от статьи Н. Хомчука 1958 года до статей С. И. Субботина, Л. А. Киселевой, К. М. Азадовского [125; 126; 127; 128; 129; 130; 131; 132; 133; 134; 135; 136]. Но тем не менее их творческие взаимовлияния все еще нуждаются в дополнительных исследованиях. Примерно до 1918 года это влияние в основном было однонаправленным – следы присутствия старшего собрата чувствуются в дооктябрьской лирике Есенина. Позже в поэзии Клюева ощутимо воздействие Есенина. В ряде случаев сравнительно-сопоставительный анализ может помочь есенинской текстологии, так как рязанский поэт не ставил почти никогда даты под своими стихами. Например, есенинское «Дымом половодье» датировано 1910 годом, хотя поэтические приемы явно «взяты» из более позднего творчества:

Дымом половодье
Зализало ил.
Желтые поводья
Месяц уронил.

Еду на баркасе,
Тычусь в берега.
Церквами у прясел
Рыжие стога.

Заунывным карком
В тишину болот
Черная глухарка
К всенощной зовет.

Роща синим мраком
Кроет голытьбу...
Помолюсь украдкой
За твою судьбу

(курсив мой. – Т. П.).

А у Клюева «галка-староверка ходит в черной ряске» (между 1915 и 1917 годом). Или в есенинском «Ах, как много на свете кошек» (1925)

Все прошло. Потерял я бабку,
А еще через несколько лет
Из кота того сделали шапку,
А ее износил наш дед.

отзывается клюевский мотив «Избяных песен»: «Хозяйка в небесах, с мурлыки сшита шапка. / Чтоб дедовских седин буран не леденил».

Не исследовано взаимодействие цветописи Есенина и Клюева, в частности, мы видим явное сходство красно-золотой палитры обоих поэтов в пору революционной эйфории и в переходе от «солнечного» к грязно-желтому, осеннему, когда наступает разочарование в идее русского Преображения, но у Клюева этот процесс начинается позже и, вероятно, не без влияния есенинской поэтики.

Не проанализировано воздействие ключевского принципа литургичности природы, ее восприятие как храма на поэтическую картину мира раннего Есенина, не рассмотрено соотношение эпоса и лирики в творчестве Клюева и Есенина двадцатых годов. И этот ряд примеров можно продолжить.

Эволюция Есенина-лирика и поэзии Клычкова также имеет немало общего – от мифопоэтического восприятия мира в десятые годы к реалистической лирике двадцатых годов.

Ждут своего исследователя творческие взаимосвязи А. Ганина и Клюева, в частности их поэмого творчества.

Не вписана поэзия П. Орешина и А. Ширяевца в пути развития новокрестьянской литературы. Книга А. И. Михайлова «Пути развития новокрестьянской поэзии» (Л., 1989) лишь наметила общий вектор развития. Нет анализа общих мотивов и поэтики прозы А. Ганина и П. Орешина.

Только начинает изучаться тема традиций классической русской литературы и Серебряного века в творчестве новокрестьян. В диссертации С. И. Субботина поставлена проблема влияния народнической лирики на поэзию раннего Н. Клюева, в работах Н. Солнцевой – тема «Гоголь и Клычков», в моей монографии – Клычков и Куприн, некоторые мотивы и образы русской классики анализируются в диссертации Н. Кудрявкиной, статьях Е. Демиденко, А. Филимонова, Ю. Изумрудова, В. Хомякова, традиции С. Клычкова в деревенской прозе и поэзии XX века стали предметом исследования А. Герасименко, А. Большаковой, Е. Дьячковой, Л. Калининой [114]. М. Нике обратился к проблеме Клычков и Булгаков [137], чуть-чуть затронута тема Блок и Клюев, Клюев и А. Белый. Требуются дополнительные исследования сказовой традиции в прозе Клычкова. Н. М. Солнцева указывает на актуальность тем С. Клычков и русские поэты начала века, С. Клычков и авангард, его отношения с пролетарскими поэтами, РАПП, Перевалом [138].

Не ставилась задача изучения творчества новокрестьян в аспекте коммуникативных стратегий, концептосферы и т. д.

Таким образом, исследование новокрестьянской литературы остается перспективным и научно значимым.

Глава вторая

Циклизация в литературе новокрестьян

2.1. Концепции бытия в публицистическом цикле Н. Клюева и романной трилогии С. Клычкова

Циклизация – одна из фундаментальных проблем современного литературоведения. Основы изучения цикла были заложены в шестидесятые годы прошлого века в трудах В. А. Сапогова, И. В. Фоменко, Л. Е. Ляпиной, посвященных поэтическим циклам, Ю. В. Лебедева, А. С. Янушкевича в работах о прозе. К концу XX столетия изучение циклических жанрообразований превратилось в самостоятельное научное направление – цикловедение. Его итоги отражены в монографиях, докторских диссертациях [139; 140; 141; 142; 143; 144]. Объектом исследования становится сама история цикловедения [145; 146].

Важным результатом научных исследований стало, во-первых, осмысление цикла как системной структуры и анализ способов создания циклической целостности, во-вторых, разграничение цикла как жанрового образования, то есть совокупности произведений одного автора, имеющих признаки единства, и циклизации как тенденции к объединению произведений в различные типы и формы художественной целостности – от собственно цикла до подборки; в-третьих, понимание того, что цикл предполагает большое количество вариантов, обусловленных творческой индивидуальностью, авторскими задачами, родовой природой произведений, образующих цикл, типом художественного сознания и, наконец, эпохой.

В первые десятилетия XX века циклизация была продуктивной тенденцией. Тяготение к «большой целостности» проявляется у самых разных художников. Циклические черты обнаруживаются в прозе А. Белого, А. Ремизова, А. Толстого, Вс. Иванова, М. Горького (известен также его цикл пьес тридцатых годов о «других»), в поэзии А. Ахматовой, О. Мандельштама, В. Маяковского, М. Волошина, С. Есенина [147; 148; 149; 150]. Романы А. Веселого «Россия, кровью умытая» (1927–1932) и П. Романова «Русь» (1923) вобрали в себя куски опубликованных ранее «малых» текстов. Этот ряд примеров можно легко продолжить.

Творчество новокрестьян, при всей уникальности и особом трагизме писательских и личных судеб, вписывается в общее развитие художественной мысли первой трети XX века. Циклы стихов характерны для поэзии С. Есенина: «маленькая трилогия» («Возвращение на родину», «Русь уходящая», «Русь советская»), «Персидские мотивы». Известны циклы С. Клычкова «Из главы “Полон”»? «Заклятие смерти», исследователи выделяют еще и пак называемый «волчий» цикл. И. Клюев является автором многих стихотворных циклов, которые создавались на протяжении всей его творческой жизни: «Избяные песни», «Песни из Заонежья», «Земля и железо», «Поэту Сергею Есенину», «Спас», «Вороньи песни», «Новые песни», «Стихи из колхоза», «Разруха», «О чем шумят седые кедры».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.